
ДВА ДНЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

(Изъ дневника студента) ¹⁾.

ХІІІ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ меня во время поѣздки въ Кронштадтъ, теперь оставался не разрѣшеннымъ еще одинъ вопросъ. Мы такъ хотимъ быстро жить, почти безъ всякихъ усилій и труда блеснуть, прогремѣть, создать себѣ имя, „натворить кучу добрыхъ дѣлъ“. Мы почти всѣ въ этомъ случаѣ отчасти похожи на Рудиныхъ, Печориныхъ, Онѣгиныхъ и т. д. А между тѣмъ дѣйствительная жизнь слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ недолговѣчны всѣ подобныя наши стремленія.

Пресловутая „среда“ слишкомъ скоро охлаждаетъ пылъ большинства и доводитъ многихъ до полнаго почти „ничего-недѣланія“. Хотѣлось знать, какъ обойти, миновать этотъ подводный, опасный, жизненный камень.

Нашелъ я въ Кронштадтѣ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Высота духовной жизни о. Іоанна есть плодъ его продолжительной, упорной, настойчивой борьбы съ собой. Не одинъ годъ и не два, и не десятилѣтіе даже только боролся съ собою о. Іоаннъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ настоящее время. Если бы мы имѣли возможность наблюдать жизнь о. Іоанна, какъ она протекала 30—40 лѣтъ тому назадъ, то мы увидѣли бы, что онъ былъ тогда самымъ простымъ обыкновеннымъ настыремъ, какихъ много на св. Руси. Его имя было еще далеко не всѣмъ извѣстно даже въ са-

¹⁾ Окончаніе. См. майскую кн. Богосл. Вѣстника.

момъ Кронштадтѣ. А между тѣмъ это былъ тотъ же о. Іоаннъ, что мы видимъ и сейчасъ. Его сердце отличалось тою же добротою и отзывчивостью на все, какъ оно отличается и въ настоящее время. Онъ также неутомимо, самоотверженно трудился, какъ трудится и теперь. Мало того, его имя тогда не только не всюду было извѣстно, но и было окружено ореоломъ различной, подъ часъ самой гнусной, клеветы. Его судили, осуждали, порицали... Ему грозили и угрожали... Онъ терпѣлъ всевозможныя лишения. Словомъ, повсюдная извѣстность Кронштадскаго пастыря основана не на случайности, а складывалась годами, постепенно, на прочномъ фундаментѣ его горячей вѣры, глубокой любви къ людямъ и постояннаго, тяжелаго труда. Какъ создается зданіе изъ малыхъ кирпичей, которые, будучи положены искусною рукою одинъ на другой, впоследствии составляютъ грандіозный домъ; такъ и слава о. Іоанна складывалась постепенно, медленно, переходя сначала отъ одного человѣка къ другому, пока наконецъ все православное населеніе нашего отечества не увидѣло величественную, обаятельную личность смиреннаго служителя алтаря. Масса обратила свое вниманіе на о. Іоанна и Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ только приблизительно 20 лѣтъ тому назадъ, когда случаи помощи больнымъ по молитвѣ Кронштадтскаго пастыря, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, стали повторяться часто и стали обсуждаться въ печати. „Московскія Вѣдомости“, „Петербургскій Листокъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и нѣкоторые духовные журналы помѣстили съ 1875 года не менѣе 100 описаній замѣчательныхъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности о. Іоанна съ точнымъ указаніемъ на живыхъ свидѣтелей.

Вотъ въ немногихъ словахъ тотъ путь, которымъ о. Іоаннъ шелъ почти отъ колыбели до того самаго времени, когда его имя, прежде мало извѣстное, стало у всѣхъ на устахъ. Предоставимъ въ данномъ случаѣ слово самому Кронштадскому пастырю, которое онъ сказалъ въ 70-ую годовщину своей жизни предъ большимъ сонмомъ собратій — пастырей. Съ высоты 70 лѣтъ онъ такъ обозрѣваетъ свой пройденный жизненный путь.

„Сегодня мнѣ Божіею милостію, исполнилось 70 лѣтъ жизни, а благодати священства, воспріятой мною отъ Го-

спода, почти 44 года. Почитаю справедливымъ и должнымъ для себя оглянуться на прожитое время и вспомнать милости Божіи ко мнѣ. Велика милость Божія—что я дожилъ до такихъ лѣтъ. Истинно сила Божія въ немощи свершается (2 Кор. 12, 9). Кто изъ знавшихъ меня въ младенчествѣ могъ думать, что я доживу до восьмого десятка лѣтъ, который по пророку составляетъ крайній предѣлъ жизни человѣка, земного странника? Росъ я болѣзненнымъ, слабымъ и въ самомъ младенчествѣ тяжкая болѣзнь—оспа едва не свела меня въ могилу, — на волосокъ былъ отъ смерти, по мѣткой молвѣ человѣческой. Господь сохранилъ мнѣ жизнь — я оправился и сталъ возрастать. Приспѣло время учиться—я отвезенъ былъ въ школу; наука темна была для меня,—я не былъ подготовленъ дома; самому надо было доходить до разумѣнія и познанія; сознавалъ и чувствовалъ я свою беспомощность, ревниво смотрѣлъ на успѣхи товарищей—и сталъ просить помощи и разумѣнія у Бога, дающаго всемъ просящимъ просто и безъ упрековъ (Іак. 1, 5),—по выраженію апостола Іакова,—и открылъ мнѣ Господь разумъ: я озарился свѣтомъ Божиимъ; грамота стала ясна для меня и сталъ я успѣвать въ соотвѣтствующихъ возрасту и воспитательной цѣли наукахъ; но и тогда, во время ученія, сколько я перенесъ тяжкихъ болѣзней!

При слабыхъ физическихъ силахъ прошелъ я три образовательныя и воспитательныя школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевныя силы: разумъ, сердце и волю, какъ образъ тричастной, созданной по образу святой живоначальной Троицы, души. Высшая духовная школа, коей присвоено названіе духовной академіи, имѣла на меня особенно благотворное вліяніе. Богословскія, философскія, историческія и разныя другія науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое міросозерцаніе, и я, Божіею благодатію, сталъ входить въ глубинну богословскаго созерцанія, познавая болѣе и болѣе глубину благодати Божіей, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все созданія твердымъ, неизменнымъ, гармоническимъ законамъ; особенно плѣнилъ мой умъ и сердце премудрый планъ спасенія погибающаго рода человѣческаго чрезъ Божественнаго Агнца Божія Іисуса Христа, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29); во мнѣ

развилося и окрѣпло религиозное чувство, которое было въ меня вселено еще благочестивыми родителями. Прочитавъ Библию съ Евангеліемъ и многія творенія Златоуста и другихъ древнихъ отцовъ, также и русскаго Златоуста Филарета Московскаго и другихъ церковныхъ витій, я почувствовалъ особенное влеченіе къ званію священника и сталъ молить Господа, чтобы Онъ сподобилъ меня благодати священства и пастырства словесныхъ овецъ Его. Размышляя о чудномъ, любвеобильномъ домостроительствѣ Божіемъ въ спасеніи рода человѣческаго, я проливалъ обильныя и горячія слезы, старая желаніемъ содѣйствовать спасенію погибающаго человѣчества. И Господь исполнилъ мое желаніе. Вскорѣ по окончаніи высшей школы я возведенъ былъ на высоту священническаго сана.

И вотъ 44-й годъ прохожу это званіе, принося Богу молитвы, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. 2, 1—2) и принося почти ежедневно безкровную жертву, примиряю тварей съ Творцомъ, ибо Господь далъ священникамъ служеніе примиренія (2 Кор. 5, 18), чрезъ которое и я самъ ежедневно примиряюсь съ Праведнымъ Судіею, мною прогнѣваемомъ ежедневно, и людей примиряю, отвращая Его праведный гнѣвъ, движимый на насъ, ради грѣховъ нашихъ, отводя ихъ отъ кривыхъ, гибельныхъ путей и указывая пути правые. Благодарю Господа, подавшаго мнѣ возможность и удобство, чрезъ частое совершеніе богослуженія, изучить весь кругъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, познать ихъ мудрый составъ и богатство содержанія и образы величайшаго, спасительнаго покаянія грѣшныхъ и милосердія Божія къ кающимся,—всю глубину богословія,—всю сладость славословія Божія и дивныя хвалы Божіей Матери, любовь къ Богу и различные подвиги безчисленныхъ святыхъ.

Благодарю Господа, что онъ удостоилъ меня родиться и воспитаться и быть священникомъ въ святой соборной и апостольской Церкви и членомъ ея, хотя и недостойнымъ, и удостоиться ходатайства ея предъ Богомъ, на которое и надѣюсь, что оно не посрамитъ меня, ибо не надѣюсь на свои дѣла, которыхъ не имѣю, а—на заслуги Господа Иисуса Христа, искупившаго меня кровію Своею отъ грѣха, проклятія и смерти,—на молитвы Божіей Матери, св. ангеловъ

и всѣхъ святыхъ. Они умоляютъ за меня Господа, и Онъ введетъ меня въ царствіе свое небесное“.

Хотя здѣсь жизнь о. Іоанна изложена въ яркихъ чертахъ, но она рассказана слишкомъ кратко. Чтобы придать больше выразительности этому краткому автобіографическому разсказу о. Іоанна, мы воспроизведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ миновавшей его жизни, ярко характеризующихъ его постепенный духовный ростъ, его жизненный подвигъ, полный непрерывнаго, неутомимаго, самоотверженнаго труда, борьбы съ собою и съ окружающимъ грѣхомъ.

Съ первыхъ дней своего высокаго служенія церкви, онъ поставилъ себѣ за правило—сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Вслѣдствіе этого по опредѣленіи въ Кронштадтъ (1855 г.), у молодого еще священника оказалась масса занятій. Замѣчательное явленіе. Большинство священниковъ ищутъ работы, занятій, не знаютъ, какъ убить время отъ одной службы до другой. Иногда позовутъ къ больному или роженицѣ, а потомъ опять нечего дѣлать. Нѣкоторые стараются набрать побольше уроковъ. Но и при этомъ все-таки свободнаго времени достаточно даже для картъ, пріема гостей, знакомыхъ и т. д. Другіе стараются убить свое свободное время во всевозможныхъ членствахъ, комитетахъ, комиссіяхъ, собраніяхъ. Многіе изъ молодыхъ пастырей становятся настоящими чиновниками, бюрократами. У о. Іоанна сразу же не стало времени ни пообѣдать, ни отдохнуть, ни провести часъ другой въ семьѣ. Его никто не зналъ въ Кронштадтѣ, въ которомъ онъ никогда не былъ. Да и священствуетъ онъ тамъ всего недавно, а дѣла у него столько, что съ утра до вечера не передѣлаешь. Что же онъ дѣлалъ?

Каждый воскресный или праздничный день онъ произносилъ въ церкви непремѣнно поученіе. О. Іоаннъ не славился и не славится своимъ ораторскимъ искусствомъ. Съ внѣшней стороны его рѣчь отличается немалыми недостатками, о которыхъ онъ и самъ знаетъ. Но каждое слово его, сказанное съ церковной кафедрой, полно жизни, правды, убѣдительности, увлекательности. Каждое его поученіе—это откровеннѣйшая исповѣдь его сердца, его вѣрованій, его убѣжденій. По своему характеру она близко подходитъ къ тому,

что Ап. Павелъ въ проповѣди называетъ „явленіемъ духа и силы“. Для о. Іоанна говорить и дѣлать, дѣлать и говорить—одно и тоже. Къ нему вполне можно отнести извѣстные слова Сократа, который нѣкогда говорилъ: „добродѣтель есть знаніе, и знаніе есть добродѣтель“. Онъ не только искусно слагаетъ свои вѣрованія горячія въ душу слушателя, но и пробуждаетъ въ немъ самостоятельную, кипучую работу мысли и сердца. А какъ прочно все возросшее такимъ образомъ! Будучи глубокимъ знатокомъ Св. Писанія, не буквы Писанія, а главнымъ образомъ его животворящаго духа, имѣя неменьшія познанія въ области лучшей христіанской литературы, цвѣта этой литературы, онъ поражалъ своихъ слушателей глубиною наученія, свѣжестію, новизною раскрытія многихъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ христіанскихъ истинъ, трогалъ сердца людей своимъ назиданіемъ и непреодолимо влекъ ихъ къ служенію вѣчной истинѣ.

Видя въ о. Іоаннѣ дѣйствительнаго пастыря — учителя, многіе приходили къ нему на домъ для бесѣды съ нимъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, около него быстро собиралась толпа и завязывался оживленный разговоръ, иногда продолжавшіітся 2—3 часа. Онъ не любилъ говорить отвлеченно. Приведетъ какую либо притчу, расскажетъ что либо подходящее изъ жизни и путемъ сравненій легко вложить извѣстную истину въ душу своего собесѣдника. Однажды напр. зашла рѣчь о бытіи Бога.

— Батюшка! Вотъ Библия говоритъ о происхожденіи земли, человѣка. А если взять науку...

— Не бери науку въ критику Библии,—строго перебиваетъ пастырь.—Въ Бога мы можемъ только вѣрить, а не доказывать Его бытіе. Кто вѣритъ, тотъ не требуетъ доказательства, а если ты хочешь доказывать, такъ гдѣ же вѣра? Я тебѣ говорю: у меня есть въ карманѣ булка, а ты отвѣчаешь: вѣрю, батюшка, а дай-ка я рукой пощупаю.. Одно изъ двухъ: вѣрь или щупай.

— Но вѣдь ученье свѣтъ, батюшка.

— Свѣтъ, большой свѣтъ. Но скажи, развѣ ты зажигаешь лампу днемъ? Или если ты пришелъ ночью любоваться на звѣздное небо, развѣ ты принесешь свѣчку? Она тебѣ мѣшать будетъ, а вѣдь и лампа и свѣча—свѣтъ.

— Такъ, батюшка; да я радъ бы вѣрить, но не могу.

—И я не могу, и всѣ мы не можемъ. Вѣра дается отъ Бога просящимъ ее.

Ты говоришь — хочешь вѣрить, вотъ и проси. Обрати взоръ свой къ небесамъ, забудь земное и проси Царя небснаго...

Бывало не разъ, что послѣ подобныхъ бесѣдъ чрезъ нѣсколько времени спорившій является къ о. Іоанну радостный, сіяющій..

— Батюшка, а я получилъ вѣру. И какъ легко, какъ хорошо! Весь міръ, кажется, обнялъ бы: съ души точно гора свалилась.

— Благодари Бога и помни, какіе обѣты накладываетъ на тебя вѣра. Безъ дѣлъ вѣра мертва; надо любить Бога, а кто говоритъ, что онъ Бога любитъ, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, по свидѣтельству Ап. Іоанна.

Мы могли бы привести множество подобныхъ примѣровъ изъ его незабвенныхъ поученій и бесѣдъ. Но для пониманія характера, проповѣдничества о. Іоанна, думаемъ, достаточно и приведенныхъ. Проповѣди о. Іоанна отражаютъ то царство Божіе, какое принесть на землю Спаситель. Поэтому они выше всякаго времени и всякой народности. Въ великой ихъ внутренней правдѣ заключается и причина ихъ великаго успѣха въ народѣ.

Кромѣ проповѣдничества, съ самыхъ первыхъ дней своего пастырства, о. Іоаннъ сталъ необыкновенно заботиться о своей паствѣ. Онъ не ждалъ приглашенія, гдѣ нужна была его помощь, а шелъ самъ, полный непреодолимаго желанія оказать ближнему то или другое содѣйствіе. Одинъ Кронштадтскій торговецъ объ о. Іоаннѣ рассказывалъ слѣдующее. „Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я лишился жены оставившей на моихъ рукахъ малолѣтняго единственнаго сына. Я сильно скорбѣлъ. Порою доходилъ даже до унынія. Не только потеря горячо любимой подруги мучила меня, едва ли еще не больше я мучился мыслію о дальнѣйшей моей судьбѣ. Я чувствовалъ и сознавалъ, что неспособенъ воспитать своего шестилѣтняго сына, который, какъ и надо ожидать, безъ присмотра материнскаго, предоставленный самому себѣ,—сталъ шалить и баловаться. По торговлѣ пошли убытки и опущенія. Я сталъ считать ее безцѣльною. Для кого и для чего, думалъ я, торговать? Сынишка такъ еще

маль, да и что еще изъ него выйдетъ? Полное разочарованіе жизнью стало одолевать меня. Чтобы избавиться отъ гнетущей тоски, я сталъ искать утѣшенія внѣ дома въ внѣшнѣ и незамѣтно для самого себя сталъ пьяницею. Время шло. Сынишка росъ на своей волюшкѣ, торговлею я почти совсѣмъ не занимался, оставивъ лавку на приказчиковъ, и только выжидалъ случая совершенно покончить съ нею. Однажды иду я утромъ по улицѣ и вижу, на встрѣчу идетъ о. Іоаннъ, должно быть прямо изъ собора отъ обѣдни. Повстрѣчался со мною, благословилъ меня, да и говоритъ: „якъ тебѣ, братъ, иду: надо бы съ тобою побесѣдовать немножко“. Пришли мы въ квартиру мою. Батюшка сѣлъ да и говоритъ: „жаль мнѣ тебя, рабъ Божій! я давно наблюдаю за тобою. Думалъ, не образумишься ли ты, и рѣшилъ наконецъ придти къ тебѣ на помощь. Послушай меня, сбрось съ себя хандру. Это врагъ силится уловить тебя. Если не исправишься, смотри, худо будетъ. Перестань пить, не отлучайся изъ дому безъ особенной надобности. Торговлю бросать не думай, а займись ею самъ. Помни, что ты не одинъ. У тебя—сынишка, не губи его и себя. Учить его пора. Учи грамотѣ, бери съ собою въ лавку, приучай по немногу къ дѣлу; и тебѣ повеселѣе будетъ, да и онъ съ помощію Божіею приучится къ дѣлу, человѣкомъ будетъ, тебѣ помощникомъ, а подъ старость кормильцемъ твоимъ, утѣшеніемъ твоимъ. Слышишь же, съ сегодняшнаго дня начинай. Довольно по улицамъ то бродить безъ дѣла. Человѣкомъ ты былъ, человѣкомъ и оставайся!“ Съ этими словами батюшка всталъ, надѣлъ эпитрахиль и говоритъ: „ну вотъ на починъ дѣла помолитесь надо. Помолимся поусердѣе Господу Богу, чтобы Онъ Самъ помогъ намъ раскаяться, да въ разумъ истины придти“. И сталъ онъ на молитву. Со слезами онъ молился за меня грѣшнаго. Потомъ, благословилъ насъ съ сыномъ, общалъ навѣщать и молиться за насъ, и ушелъ. Словно проснулся я отъ долгаго тяжелаго сна; и квартирка то наша стала милѣй для меня. Со слезами раскаянія я обнялъ своего сына. Только тутъ я почувствовалъ, какъ виновать предъ нимъ. Вѣдь чуть было совсѣмъ не сгубилъ его. Съ благословенія батюшки принялся и за дѣло. Батюшка дѣйствительно навѣщалъ меня, иногда подкрѣплялъ меня, ласкалъ и настав-

лялъ сыночка. Дѣло по торговлѣ за годъ поправилось, и я сталъ снова „человѣкомъ“ за молитвы дорогого батюшки“.

Его самоотверженіе, любовь къ ближнему, кажется, не имѣли границъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, характеризующихъ о. Іоанна съ этой стороны. Однажды о. Іоаннъ только что вернулся домой, послѣ безчисленныхъ визитовъ къ больнымъ и страждущимъ. Предъ домомъ по обыкновенію его поджидала толпа нищихъ, чтобы получить отъ него подаваніе. Добрый пастырь роздалъ все. Онъ оставилъ у себя только 20 коп. на пароходъ, чтобы имѣть возможность ѣхать въ Ораніембаумъ къ трудно больному. 20 коп. онъ оставилъ потому, что дома не нашлось бы у него этихъ денегъ. Едва онъ вошелъ въ свою скромную комнату, какъ услышалъ въ прихожей шумъ и громкій разговоръ. Не снимая верхней одежды, о. Іоаннъ вернулся въ прихожую. Оказалось, какая то женщина здѣсь съ громкими рыданіями просить пустить ее къ батюшкѣ.

— Пусть подождетъ,—говорить о. Іоанну жена. Вѣдь ты съ 5-ти часовъ утра ходилъ голодный, измученный. Пообѣдай, отдохни...

— Погоди, я спрошу, чего она хочетъ.

— Спаси насъ, отецъ,—молила она. У меня мужъ умираетъ, пятеро дѣтей, второй день не ѣли. Я сама едва хожу... Одна надежда на тебя...

— Пойдемъ къ тебѣ,—ласково отвѣтилъ о. Іоаннъ, поднимая съ пола плачущую женщину. Господь тебѣ поможетъ.

И о. Іоаннъ, совершенно забывъ о своемъ обѣдѣ и своей усталости, вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ жепщиной по направленію къ ея бѣдной квартирѣ.

— Вотъ тебѣ 20 коп. Зайди въ лавку, купи хлѣба и яищъ. Больше у меня нѣтъ...

Придя въ квартиру этой женщины, онъ нашелъ здѣсь картину страшной нищеты. Умирающій мужъ смотрѣлъ безжизненно установившимся глазами и не шевелился. Дѣти стонали отъ голода. Вотъ принесено небольшое подкрѣпленіе.

Когда хлѣбъ и яицы были съѣдены, о. Іоаннъ самъ помогъ женщинѣ убрать ея темную подвальную комнату. Привели они вмѣстѣ съ ней нѣсколько въ порядокъ и дѣтей.

Затѣмъ, опустившись на колѣни предъ крошечнымъ образомъ, висѣвшимъ въ углу, о. Іоаннъ началъ молиться. Женщина повторяла за нимъ слова молитвы. Когда голосъ его стихъ, онъ стоялъ еще долго опустивъ голову. Наконецъ, вставъ съ колѣнъ, подошелъ къ кровати и благословилъ больного.

— Приди ко мнѣ завтра въ церковь, — сказалъ о. Іоаннъ, — женщинѣ.

Не успѣлъ онъ выдти изъ дома, какъ увидѣлъ уже нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его съ приглашеніями въ Петербургъ и Ораніембаумъ. Выслушавъ просителей, о. Іоаннъ отправился за ними на пароходъ и только въ первомъ часу ночи вернулъся домой „обѣдать“.

На другой день женщина ожидала на паперти выхода своего благодѣтеля. Увидалъ ее въ толпѣ, о. Іоаннъ досталъ изъ кармана нѣсколько конвертиковъ и передалъ ихъ ей. Въ конвертахъ оказалось нѣсколько кредитныхъ билетовъ и облигація въ 1000 рублей.

Больной совсѣмъ оправился отъ болѣзни, открылъ свою торговлю и теперь занимаетъ видное положеніе въ городѣ. Свой долгъ о. Іоанну онъ возвратилъ десятирицею, пожертвовавъ на дѣла благотворительности 10000 руб.

Одна высокоблагородная дѣвушка рассказала объ о. Іоаннѣ слѣдующее. „Судьба рано заставила меня страдать и томиться жизнью. Съ малолѣтства я не была любима въ родной семьѣ. Отъ природы болѣзненная, неразвитая, ни къ чему не способная, но изнѣженная, нервная, я была въ тягость и другимъ и сама себѣ. Отдали меня въ Институтъ. Но и оттуда черезъ три года исключили по неспособности къ ученію. Въ то время, когда меня исключили изъ Института, отца моего уже не было въ живыхъ. Мать моя, болѣзненная женщина, не имѣла средствъ меня содержать такъ, какъ мы жили при отцѣ. Въ лишеніяхъ, скорбяхъ проводили мы съ нею дни свои. Но вотъ наконецъ умираетъ и мать моя, оставляя меня одну совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Куда было мнѣ приклонить свою голову? Я гостила то у однихъ родственниковъ, то у другихъ, то у знакомыхъ. Не имѣя возможности нигдѣ прочно пріютиться, я перекочевывала съ мѣста на мѣсто. Одно время я гостила въ Кронштадтѣ. И здѣсь мнѣ было скучно. Однажды мнѣ ужъ очень стало тяжело и я во время одной прогулки начала обдумы-

вать планъ, какъ бы мнѣ прекратить свое бесполезное и мучительное существованіе. Сидя въ такомъ грустномъ настроеніи, я не замѣтила, какъ подошелъ ко мнѣ священникъ, и привѣтливо поклонившись, сѣлъ на другой конецъ лавочки. Не зная его, какъ и никого въ Кронштадтѣ, и не желая ни съ кѣмъ раздѣлять своего тяжелаго настроенія, я встала и хотѣла удалиться. Но незнакомый мнѣ батюшка остановилъ меня и сказалъ: „я обезпокоилъ васъ, кажется. Извините, но проходя мимо, я не могъ не подмѣтить тяжелаго настроенія вашей души, свидѣтельствующаго о глубокой вашей скорби и, какъ пастыръ, хотя и незнакомый вамъ, но по сану пастырства не чуждый, рѣшилъ подойти къ вамъ и съ чувствомъ искренняго участія побесѣдовать съ вами. Не стѣсняйтесь, откройте мнѣ вашу скорбь. Можетъ быть, чрезъ меня грѣшнаго Господь и успокоитъ васъ и утѣшитъ васъ. „Тронутая такимъ участіемъ чело-вѣка, мнѣ совершенно незнакомаго, я горько заплакала, но ничего не могла сказать кромѣ одного: „я несчастная, лишняя на свѣтѣ!“ „Великій умъ Творца не могъ сотворить ничего лишняго,—отвѣчалъ батюшка“. Указывая на ползущую по песку букашку, онъ продолжалъ: „посмотри, что безпомощнѣе, ничтожнѣе этого насѣкомаго? Но и оно не лишнее и оно приноситъ долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцомъ! А ты, будучи чело-вѣкомъ, этимъ любимымъ созданіемъ Божиимъ, отчаяваешься въ Его милосердіи! Повѣдай мнѣ скорбь свою, скажи, что случилось съ тобою“. Тутъ я излила всю душу свою предъ добрымъ батюшкой. Мнѣ казалось, что еще никто не говорилъ со мною съ такимъ участіемъ, никто такъ не утѣшалъ меня. Онъ казался мнѣ Ангеломъ, посланнымъ Богомъ на спасеніе мое отъ гибели, до которой было уже мнѣ такъ недалеко. Съ искреннею отеческою любовію онъ бесѣдовалъ со мною. Ободрялъ, утѣшалъ, указывалъ мнѣ путь жизни, которымъ я и иду до настоящаго времени, не переставая благодарить его. Имени своего онъ мнѣ не открылъ, назвавшись однимъ изъ соборныхъ священниковъ. Когда же, вернувшись домой, я рассказала о своей замѣчательной встрѣчѣ и бесѣдѣ съ какимъ то священникомъ, мнѣ сказали, что это былъ несомнѣнно о. Іоаннъ. При этомъ они добавили: это дивный, святой мужъ“.

Рано по утру выходя послѣ обѣдни изъ церкви, о. Іоаннъ всегда бываетъ окруженъ кучкой нищихъ, бѣдняковъ, обращающихся къ нему за помощью. Одному нужно платье, другому нѣсколько копеекъ на пропитаніе, у третьяго сапоги худы. О. Іоаннъ терпѣливо выслушиваетъ каждаго.

— Не обманываешь ли ты меня, о Христі братъ? — спрашиваетъ о. Іоаннъ того или другого изъ своихъ просителей. Денегъ у меня немного, а видишь, сколько помочь нужно.

Проситель начинаетъ увѣрять въ правдивости своихъ словъ и дѣло кончается тѣмъ, что о. Іоаннъ по силѣ возможности надѣляетъ его деньгами. Иногда онъ самъ отправляется съ своими просителями на рынокъ и тамъ покупаетъ платье, сапоги, пищу. Кому, что нужно...

Прошло два года пастырства о. Іоанна. Молодая жена какъ бы по обѣту превратилась въ сестру милосердія, помогавшую своему „глаголемому“ супругу въ его высококомъ служеніи Богу и ближнимъ. Во всѣ два года они видѣлись только, говорятъ, на нѣсколько чутъ ли не минутъ въ день, когда о. Іоаннъ появлялся дома поздно вечеромъ или рано утромъ.

— Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно,—говорилъ обыкновенно онъ. А мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу.

Съ первыхъ дней своего служенія сталъ о. Іоаннъ отличаться и необыкновеннымъ даромъ молитвы. Онъ поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность ежедневно совершать божественную литургію, не смотря ни на какіе труды. Такимъ образомъ изо дня въ день онъ велъ борьбу съ собой, усовершенываясь все болѣе и болѣе при помощи благодати Божіей. Его богослуженіе невольно привлекало къ нему многихъ. Было что-то необыкновенное въ этомъ служеніи, трогающее человѣка до глубины души. По его молитвѣ уже и тогда совершались необыкновенныя дѣла, необъяснимыя никакими ображеніями здраваго разума.

Итакъ, нисколько неудивительно, если такого пастыря скоро всѣ узнали. Вѣсть о молодомъ необыкновенномъ священникѣ стала быстро распространяться по Кронштадту. Рассказы о подвигахъ милосердія, любви и о плодахъ его молитвы ходили изъ устъ въ уста. Дворъ маленькаго домика, занимаемаго и понынѣ о. Іоанномъ, сталъ наполняться вся-

кимъ народомъ. Приходили недугующіе, страждущіе, труждающіеся, обремененные. Нищіе шли сюда цѣлыми толпами. Приходили съ семейными невзгодами, пьющіе запоемъ, покинутые жены... Всѣмъ была нужда до батюшки. Его звали, приглашали всюду. Предъ нимъ открывали свою душу. И онъ ни кому не отказывалъ, принимая всѣхъ, приходившихъ къ нему. Молился съ ними, утѣшалъ ихъ. Шелъ по первому зову къ трудно больному, ѣхалъ за десятки версть. Вездѣ, гдѣ только не появлялся онъ, вносилъ миръ, отраду, надежду, вѣру. Каждый уходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, смягченными тѣлесными страданіями. Прошелъ только годъ, и оказалось, что у о. Іоанна нѣтъ ни днемъ, ни ночью возможности отдохнуть, остаться наединѣ съ самимъ собою. Выходя изъ дому, онъ зналъ, что въ садикѣ его ожидаетъ толпа народа. Отпустивъ собравшихся, давъ каждому по мѣрѣ возможности, о. Іоаннъ спѣшилъ съ визитами, въ церковь, вездѣ сопровождаемый народомъ. Путемъ народной молвы путемъ затеплившейся къ нему любви бѣдняковъ, его имя стало все болѣе и болѣе распространяться не только въ Кронштадтѣ, но и далеко за предѣлами его.

Скоро къ многочисленнымъ заботамъ о. Іоанна присоединилась новая. Его стали назначать законоучителемъ въ различныя учебныя заведенія. Съ 1857 года началась дѣятельность о. Іоанна, какъ законоучителя. Съ 1857 года онъ давалъ уроки въ Кронштадтскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 1862 года былъ приглашенъ законоучителемъ въ Кронштадскую гимназію. Съ великою радостью и великимъ усердіемъ о. Іоаннъ принялся за это святѣйшее дѣло. И здѣсь онъ быстро завоевалъ всеобщія симпатіи. Будучи добрымъ и религіознымъ человѣкомъ, о. Іоаннъ обладалъ и особымъ даромъ преподаванія, который имѣютъ далеко не всѣ педагоги. Онъ не ставилъ двоекъ, не рѣзалъ на экзаменахъ, не задавалъ уроковъ, а велъ въ часы своихъ уроковъ только бесѣды съ своими питомцами о предметахъ вѣры. Спрашивалъ обыкновенно сначала тѣхъ, кто самъ заявлялъ свое желаніе отвѣчать урокъ. Съ великимъ усердіемъ обыкновенно старались отвѣчать ему эти „вызывающіеся“. За такіе отвѣты батюшка ставилъ высшій баллъ пять съ плюсомъ, сопровождая милостивыми и дорогими словами:

— Спасибо тебѣ, доброе чадо!

Его уроки обыкновенно ожидались учениками, какъ рѣдкое праздничное удовольствіе. Всѣ его слушаютъ, затаивъ дыханіе, слѣдя за каждымъ выраженіемъ его ясныхъ голубыхъ глазъ, въ которыхъ столько свѣта и блеска, что, кажется, они все вокругъ себя озаряютъ. Во всемъ классѣ не найдется ни одного мальчика, который бы не понялъ или не слушалъ его. Спросите любого, внезапно прервавъ урокъ, и онъ вамъ повторитъ все до мельчайшихъ подробностей. Случалось, директоръ обращалъ вниманіе о. Іоанна на завѣдомо лѣниваго или дурного ученика, прося его заниматься особенно съ этимъ мальчикомъ. И что же? О. Іоаннъ не узнавалъ у себя въ классѣ этого аттестованнаго лѣнивца. Онъ былъ прилеженъ, толковъ, понятливъ. О наказаніяхъ учениковъ о. Іоаннъ не думалъ. Наказанія для него совершенно не нужны; у него и безъ нихъ идетъ дѣло отлично. Горячо любя своего законоучителя, ученики считали самымъ большимъ для себя наказаніемъ, если батюшка былъ чѣмъ либо не доволенъ. Когда случалось это, они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы вызвать на лицѣ его улыбку.

И дѣти начальныхъ школъ видѣли въ о. Іоаннѣ истиннаго отца, добраго и строгаго, взыскательнаго и ласковаго. И для нихъ его уроки были скорѣе удовольствіемъ, чѣмъ обязанностью, работой, непріятнымъ трудомъ. Всѣ встрѣчали въ школѣ его съ радостью. Гимназія вся безъ различія національностей ежедневно подходила къ нему подъ благословеніе. Къ нему прибѣгали ученики съ дѣтскими запросами и нуждами. Кажется, ни одинъ ученикъ не былъ способенъ солгать предъ нимъ или заператься во лжи. Съ какимъ усердіемъ ходили къ о. Іоанну ежегодно исповѣдываться. Какъ чистосердечно раскрывали предъ нимъ всю свою душу. Онъ имѣлъ неограниченное вліяніе на учениковъ. Бывали случаи, когда педагогическій совѣтъ гимназіи, потерявши надежду на исправленіе какого либо лѣниваго ученика или шалуна, постановлялъ уволить его. Тогда о. Іоаннъ являлся его заступникомъ предъ начальствомъ, просилъ не подвергать жестокому наказанію, ручался за его исправленіе и всегда успѣвалъ склонить совѣтъ въ пользу виновнаго ученика. Взявъ такого ученика, такъ сказать на

поруки, онъ самъ принимался за его исправленіе, наставляя его на путь истины. Проходило нѣсколько лѣтъ и изъ ребенка, не подававшего почти никакихъ надеждъ, выходилъ дѣльный, честный и полезный членъ общества.

Уроки—бесѣды о. Іоанна остались памятными для его слушателей навсегда.

— Уроки о. Іоанна неизгладимо запечатлѣвались въ нашемъ юномъ мозгу,—говорилъ впоследствии директоръ одной гимназіи, бывшій въ числѣ первыхъ учениковъ Кронштадтскаго законоучителя. Тоже говорить объ этихъ урокахъ и другой ученикъ о. Іоанна. Не иное скажутъ и всѣ его ученики. На публичныхъ экзаменахъ ученики о. Іоанна отвѣчали такъ прекрасно, что между ними не было ни первыхъ, ни послѣднихъ.

Уроки о. Іоанна были увлекательны и интересны не только для чистой, невинной дѣтвора, но и для взрослыхъ людей. Сколько ласки, сердечности, нѣжнаго участія, живой мысли, живого чувства слышалось въ каждомъ его словѣ. Многія его рѣчи какъ бы огненными буквами начертывались на сердцахъ юныхъ его слушателей. Они не только впоследствии сами жили этими уроками, но и другихъ заставляли ими жить. Вотъ говоритъ имъ о. Іоаннъ о близости къ намъ Бога. „Нѣтъ ничего къ намъ ближе Бога. Онъ Богъ сердцецъ, а сердце въ свою очередь всего ближе къ намъ. Это существо наше, сущность наша. Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, такъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ. И чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и сознаніе своей немощи, ничтожества, чувства пужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или какъ близокъ воздухъ къ тѣлу и къ внутренностямъ его, такъ близокъ Богъ къ намъ“.

Вотъ онъ говоритъ имъ о молитвѣ. „Учитесь молиться, принуждайте себя къ молитвѣ. Сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ. Но сначала всегда нужно себя принуждать“. А что такое молитва? „Молитва—постоянное чувство своей духовной нищеты, немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости и благости и всемогущей славы Божіей. Молитва—постоянно благодарственное настроеніе“. Говорить о началѣ всѣхъ нашихъ распрей и неудовольствій

и средствахъ избѣжать ихъ. „Чаще приводи себя на память, что въ тебѣ зло, а не въ людяхъ. Такимъ убѣжденіемъ, совершенно истиннымъ, предоохранишь себя отъ многихъ грѣховъ и страстей. Бѣда наша часто въ томъ, что мы свое зло приписываемъ другимъ“. Говорить о просвѣщеніи и о главныхъ началахъ въ нашей жизни. „Что значитъ просвѣщеніе научное безъ любви христіанской? Ничто. Мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ. Смирись, кичливый умъ, предъ ученіемъ Евангелія и предъ нишею Христовою, сойди съ своего пьедестала, стань пониже, подойди къ этимъ бѣднымъ, коихъ Самъ Христосъ не постыдился назвать Своею братіею, протяни имъ руку помощи. Не себя только собирай, не свои только прихоти удовлетворяй, а и въ Бога богатѣи добрыми дѣлами, которыя и по смерти пойдутъ за тобою“.

Говорить ли о томъ, какъ привлекалъ сердца своихъ слушателей о. Іоаннъ разказами изъ жизни и дѣятельности великихъ угодниковъ, прославившихъ себя на томъ или другомъ жизненномъ поприщѣ? Какъ все это дѣйствительно ново, жизненно, захватывающе и увлекательно... О заслугахъ о. Іоанна, какъ законоучителя всего краснорѣчивѣе засвидѣтельствовали отцы и матери воспитанныхъ имъ дѣтей въ день 25-тія его законоучительской дѣятельности. Въ адресѣ, поднесенномъ ему въ этотъ день, они говорили:

„Высокочитимый и всѣми уважаемый пастыръ и наставникъ Іоаннъ Ильичъ!

Исполнилось 25 лѣтъ еще новаго, особо важнаго твоего служенія государству и обществу, и въ частности намъ, отцамъ и матерямъ, въ нашихъ дѣтяхъ, которыхъ ты, какъ законоучитель Кронштадтской классической гимназій, руководилъ на пути духовнаго просвѣщенія.

Не сухую схоластику ты дѣтямъ преподавалъ, не мертвую формулу—тексты и изреченія—ты имъ излагалъ, не заученныхъ только на память уроковъ ты требовалъ отъ нихъ; но на свѣтлыхъ, воспріимчивыхъ душахъ ты сбѣлялъ сѣмена вѣчнаго и животворящаго глагола Божія.

Множество дѣтей перешло чрезъ твою святую школу. Многіе твои ученики стоятъ на различныхъ степеняхъ и званіяхъ на службѣ Царю и Отечеству; многіе изъ нихъ еще подростаютъ и готовятся къ вступленію на обществен-

ное поприще,—и всё они, вдохновенные тобой и твоимъ святымъ общеніемъ съ ними, вспоминаютъ твою любовь, наставленія, твои уроки,—и всё благословляя тебя, съ благоговѣніемъ вспоминаютъ тѣ незабвенные часы, которые они проводили съ тобою.

Ты самъ, не замѣчая того, своею пламенною любовію къ Богу и безконечнымъ милосердіемъ къ твоимъ братьямъ—людямъ, зажигалъ своимъ живымъ словомъ въ своихъ ученикахъ свѣточъ истиннаго Богопознанія; а своимъ святымъ примѣромъ и милосердіемъ наполнялъ ихъ юныя сердца страхомъ Божиимъ, вѣрою, упованіемъ на Бога и любовію къ Нему и своимъ братьямъ.

Не мѣриломъ только таланта и увлекательности рѣчи, какъ профессора на каѳедрѣ, не мѣриломъ постояннаго успѣха сдачи экзаменовъ—мы говоримъ о твоей научной дѣятельности,—а тѣми наглядными плодами христіанской жизни, нравственности, гражданскихъ доблестей, семейныхъ отношеній, которыя оказались въ твоихъ ученикахъ въ многочисленныхъ примѣрахъ.

Да будетъ наша, отцовъ и матерей, благодарность, какъ мирная молитва къ Богу за тебя, да изольетъ Онъ на тебя отъ всесвятаго Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подалъ утѣшенія намъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ ихъ благоправіи и успѣхахъ.“

XIV.

Такъ трудился на первыхъ порахъ своего пастырскаго служенія о. Іоаннъ. Но какъ отнеслись къ нему люди? Отвѣтили ли они вниманіемъ и лаской на его труды и заботы? Меньшая братія отвѣтила, а старшая — нѣтъ. Мало этого, не только не отвѣтила, но и отнеслась къ нему весьма сурово, жестоко. Одни изъ этихъ людей были настроены прямо враждебно по отношенію къ о. Іоанну, а другіе крайне недоброжелательно, большинство же осуждало его и смѣялось открыто надъ нимъ. Такъ относились къ нему нѣкоторое время не только пасомые, но и собратья сослуживцы. Когда онъ проходилъ по городу со скрещенными на груди руками, съ пристально устремленнымъ взоромъ впередъ, восторженный, сосредоточенный, уходящій внутрь себя, въ

однихъ онъ возбуждалъ удивленіе, въ другихъ то злыя, то добродушныя насмѣшки. Нѣкоторые даже считали его за человѣка ненормальнаго, юродиваго. Эти слухи, конечно, не могли не доходить до слуха о. Іоанна. Но они не вносили смущенія въ его чистую, свѣтлую душу. Въ такихъ случаяхъ о. Іоаннъ говорилъ обыкновенно: „юродивые Христа ради своимъ страннымъ поведеніемъ и отношеніемъ къ ближнимъ становились посмѣшищемъ всему міру, но дѣла ихъ были таковы, что ихъ недостойнъ міръ“. Нерѣдко дѣло доходило даже до открытаго глумленія со стороны нѣкоторыхъ надъ особою почтеннаго пастыря. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго отношенія людей къ о. Іоанну.

Прежде всего мы напомнимъ случай, о которомъ въ свое время очень много говорили. О. Іоанна начала преслѣдовать одна интеллигентная дама. Она появлялась всюду за нимъ и докучала ему своими праздными разговорами. Смиранный пастырь кротко просилъ ее оставить его въ покоѣ, но преслѣдованія злополучной дамы становились все назойливѣе и назойливѣе. Видя, что о. Іоаннъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, молча переноситъ всѣ непріятности, какія она ему причиняетъ, дама перешла отъ брани къ угрозамъ. При цѣлой толпѣ народа она поносила пастыря непристойными словами, грозила кулаками и однажды даже покусилась на оскорбленіе дѣйствіемъ. О. Іоаннъ не смутился и въ это время. Кротко успокаивалъ свою оскорбительницу и защищалъ ее отъ негодующей толпы. Когда полиція возбуждала дѣло о нарушеніи тишины и спокойствія, добрый пастырь не только отказался отъ всякихъ личныхъ обвиненій, но самъ защищалъ обидчицу и просилъ объ ея оправданіи. Странная дама была приговорена къ штрафу.

Непріязненно относился къ о. Іоанну и Кронштадтскій полицімейстеръ Головачевъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ преданъ суду за лихоимство и взяточничество. Зная враждебныя дѣйствія Головачева противъ о. Іоанна, прокурорская власть вызвала о. Іоанна въ качествѣ свидѣтеля. Зданіе суда помилось отъ публики въ день допроса о. Іоанна. Головачевъ и его защитники сильно волновались. Новотъ начался допросъ. Къ общему удивленію и разочарованію многихъ, о. Іоаннъ говорилъ только о хорошихъ поступкахъ Головачева, и въ каждомъ обвинительномъ пунктѣ находилъ что либо гуманное, полезное...

— Свидѣтель, — обратился къ о. Іоанну прокуроръ, — вы должны на судѣ говорить всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Іоанна засвѣтились тѣмъ огнемъ, который не разъ заставлялъ дрожать многихъ. Онъ не далъ кончить прокурору начатой фразы и произнесъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я говорю по священству.

Всѣ присутствующіе затаили дыханіе. Прокуроръ отказался отъ допроса, защитники также и о. Іоаннъ оставилъ зало суда. Его часа полтора держала въ корридорахъ толпа народа, прося благословенія. Слова „я говорю по священству“ у всѣхъ надолго остались въ памяти.

Противъ о. Іоанна возставали какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Тамъ и здѣсь ввозили на него чудовищныя, незаслуженныя обвиненія. Такъ въ 1883—84 годахъ, когда слава о его жизни, дѣлахъ милосердія и молитвѣ проникла въ столицу, одна изъ мелкихъ газетъ „Минута“, несуществующая уже теперь, поразительно рѣзко возстала противъ почтеннаго пастыря. Эта газета обвиняла о. Іоанна въ основаніи какой то небывалой секты, упрекала въ небрежномъ будто бы отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ извращеніи Св. Писанія. Мало того, стремилась доказать, что почтенный пастырь разрушаетъ семейныя узы и кичится своими благодѣянiями. Въ довершеніе всего „Минута“ взывала къ общественному вниманію и принятію какихъ либо мѣръ противъ о. Іоанна. Нѣкоторые распространяли даже какую то бессмысленную молитву, приписывая ее о. Іоанну.

Въ 1889 году д-ръ Поповъ выразилъ на судѣ также крайне неблаговидное мнѣніе объ о. Іоаннѣ. Онъ отозвался о немъ, какъ о фанатикѣ, заражающемъ своимъ фанатизмомъ всѣхъ окружающихъ. А на слѣдующій день одинъ публицистъ, раздувъ этотъ отзывъ, не обинуясь назвалъ всѣхъ почитателей о. Іоанна сумасшедшимъ домомъ на свободѣ.

Мы, конечно, перечислили далеко еще не всѣ хулы на о. Іоанна. Ихъ можно слышать еще и въ настоящее время, когда бы, кажется, о нихъ не могло быть и рѣчи. Кто, тамъ или здѣсь, не слыхалъ ихъ?

О. Іоанна не смущала эта клевета. Въ минуты гоненій, воздвигаемыхъ на него, онъ приводилъ себѣ на память слова Спасителя: „рабъ не можетъ быть больше господина своего“

(Иоан. 15, 20) и утѣшалъ себя слѣдующими мыслями. „Какъ гнали Господина жатвы, такъ будутъ гнать во всѣ времена истинныхъ послѣдователей Его. Но Господь заранѣе утѣшилъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ учениковъ ублаженіемъ и обѣтованіемъ имъ величайшей награды на небесахъ—вѣчнаго царства небеснаго; и напередъ претерпѣлъ Самъ жесточайшія мученія и смерть, оставивъ всѣмъ намъ примѣръ мужества и терпѣнія при гоненіи за правду. „Блаженни изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царство небесное... Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небсѣхъ“. Онъ какъ бы такъ сказалъ: не унывайте и не отчаивайтесь, вѣрные Мои послѣдователи, возвѣщающіе людямъ правду словомъ и дѣломъ, и съ твердостью необоримую, до изгнанія и смерти стоящіе за истину Мою, за заповѣди Мои. Я буду вашею подпорою, вашею силою, вашимъ утѣшеніемъ, вашимъ внутреннимъ блаженствомъ при всѣхъ вашихъ злостраданіяхъ, напастяхъ и скорбяхъ, при всѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ за имя Мое. „Якоже страданія Мои будутъ избыточествовать въ васъ, тако будетъ вамъ избыточествовать Мое утѣшеніе“ (2 Кор. 1, 5). Изгнанники и мученики еще во время земной своей жизни, при всѣхъ гоненіяхъ и скорбяхъ, лишеніяхъ, мученіяхъ, торжествовали надъ своими гонителями: радовались и веселились, идя на лютя мученія, какъ будто шли брать царство; имѣли царственный духъ, царственное величіе, непобѣдимое терпѣніе и своею вѣрою и своимъ терпѣніемъ посрамляли всѣхъ своихъ мучителей—царей и игемоновъ, а по смерти наслѣдовали самымъ дѣломъ царство небесное и теперь царствуютъ со Христомъ, по слову Его: „побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азь побѣдихъ и сѣдохъ съ Отцемъ Моимъ на престолѣ Его“ (Апок. 3, 21). Вотъ какъ укрѣпляло ихъ слово безсмертнаго Царя-Христа, Его вседѣйствующая благодать; вотъ какъ разительно проявлялась сила Христова въ этихъ немощныхъ сосудахъ!“

Не мѣсяць, не годъ о. Іоаннь боролся съ этими искушеніями, шедшими такъ обильно на него со всѣхъ сторонъ отвнѣ. Не разъ, быть можетъ, онъ падалъ подъ тяжестію своего жизненнаго креста, но и падая, несомнѣнно онъ старался возстать, чтобы неуклонно идти впередъ. Ничто въ жизни не могло поколебать его и заставить идти инымъ пу-

темь, который избрало большинство людей. Его слово о терпѣніи, страданіи, служеніи ближнему даже до смерти не было лишь крылатымъ словомъ, блестящею, пышною, увлекающею, громкою фразою. Это было не слово Рудина, — да простить меня великій пастырь за это сравненіе, — а слово христіанина борца за правду до послѣдняго вздоха. Это было не слово другихъ нашихъ скороспѣлыхъ героевъ, подобныхъ Рудину, а слово христіанина, труженика, для котораго какъ бы не существуетъ никакая среда, никакая обстановка, никакія благопріятныя и неблагопріятныя условія, который какъ бы дѣйствуетъ внѣ времени и пространства. Это было не слово нашихъ литературныхъ героевъ, героевъ на бумагѣ, бумажныхъ героевъ, стремящихся въ мгновеніи ока пересоздать все человѣчество, а слово человѣка, который за привнесеніе въ жизнь хотя бы одной блестящей доброй работы бы, не зная устали, до гробовой доски. Это было слово человѣка, который проповѣдовалъ бы его, если бы онъ остался и совершенно одинокимъ. Это было такое слово, за которое онъ пошелъ бы на костеръ и на всевозможныя пытки и мученія, если бы это нужно было. Его крестъ — мученичество жизни, который онъ переносилъ и переносить, какъ рѣдкій подвижникъ, мученикъ, страдалецъ. Въ этомъ великая его сила.

Въ прощальной бесѣдѣ Спаситель говорилъ своимъ ученикамъ: „помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если меня гнали, будутъ гнать и васъ: если мое слово соблюдали; будутъ соблюдать и ваше“. (Іоан. 15, 20). И слово о. Іоанна стало соблюдать теперь не только меньшая братія, но и большая. Оно стало постепенно проникать не только во всѣ дома г. Кронштадта, но стало переходить и далеко за предѣлы его. Мало по малу не только вся Россія узнала его, но добрая слава понеслась о немъ по всему свѣту. Любовь побѣдила все и всѣхъ. Тѣ, которые когда-то захлопывали предъ нимъ двери своего дома, нынѣ не знаютъ, какъ принять его. Гонимый прежде, онъ сталъ желаннымъ гостемъ всюду. Его поступки, осмѣиваемые нѣкогда, ставятся теперь въ образецъ пастырямъ и передаются изъ устъ въ уста. Имя о. Іоанна Кронштадтскаго сдѣлалось общимъ достояніемъ теперь. А его слава стала выше славы ученыхъ, выше славы людей гениальныхъ и вы-

сокопоставленныхъ. Она не умретъ и въ грядущихъ многихъ поколѣнiяхъ. Преданiе о добромъ Кронштадтскомъ пастырѣ, который былъ другомъ бѣдняковъ и гонимыхъ, который отдалъ все свои силы, всю свою жизнь на служенiе ближнимъ, будетъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ и правнукамъ. Къ его могильному холму не скоро заростетъ тропинка....

Теперь не только народъ и множество интеллигентныхъ людей высказали о немъ свое высокое и завидное для многихъ сужденiе, но и многiе изъ высокопоставленныхъ и высокообразованныхъ людей, къ слову которыхъ нѣкогда прислушивалась почти вся Россiя.

Почившiй великiй старецъ, высокопреосвященный митрополитъ Платонъ, въ разговорѣ съ однимъ знатнымъ лицомъ, сказалъ объ о. Иоаннѣ: „благодаренiе Богу! Отцу Иоанну Господь далъ сугубую благодать“. Преосвященный Никаноръ, архiепископъ Херсонскiй, одинъ изъ видныхъ архипастырей нашей церкви, также теперь почившiй, въ одномъ изъ своихъ поученiй, на закатѣ дней своихъ, говорилъ: „Поразительнѣйшее знаменiе времени о. Иоаннъ Кронштадтскiй. Вѣдь его жадуютъ принять вездѣ, отъ подвала до раззолоченныхъ палатъ. Этого мало. Онъ не можетъ, не имѣетъ времени читать все посылаемыя къ нему письма, телеграммы, которыми наполняются цѣлыя корзины. Онъ не имѣетъ времени удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ питанiя и отдыха. Когда онъ приближается изъ Кронштадта къ Петербургу, здѣсь на пристани всегда уже знаютъ и ждутъ его толпы народа; знаютъ и напередъ ждутъ его во всякой части города, у всякаго дома, гдѣ предполагается его прибытiе. При выходѣ изъ закрытаго экипажа, при выходѣ изъ домовъ къ экипажу его рвутъ на части, чтобы принять отъ него благословенiе, рискуя, и его и сами себя раздавить въ народной толкотнѣ. Его молитвенной помощи ждутъ и просятъ не только въ Россii, но и за границей. И молитвенная помощь его, всегда со стороны простая, ничего чудеснаго прямо не обѣщающая, бываетъ иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ о. Иоанна Кронштадтскаго всехъ сословiй Петербурга, да и всехъ концовъ Россii. А такой простой, безискусственный человекъ, но истинно вѣрующiй въ дѣи-

ственность силы Божіей—и въ наши дни священникъ. Чудотворна та икона, выразилъ глубоко первосвятитель мудрый Россійской церкви, 90-лѣтній старецъ,—которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность. Силу этого глубоко-мысленнаго изреченія можно примѣнить и къ о. Іоанну Кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже по тому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи и въ наши невѣрные дни.

Не знаменіе ли это времени? Кто могъ подумать 20 лѣтъ назадъ, въ 60-хъ годахъ, что Петербургъ такъ согласно будетъ выражать свою вѣру во всемогущую чудотворность силы Божіей, предъ очами нашими являемую въ немощи человѣческой? И однако же это фактъ,—фактъ, свителствующій о поворотѣ въ склонѣ народнаго духа“.

Другой авторитетный пастырь церкви, извѣстный проповѣдникъ П. А. Смирновъ, говоря въ присутствіи нѣсколькихъ іерарховъ и высокопоставленныхъ лицъ, высказалъ объ о. Іоаннѣ слѣдующее сужденіе. Ораторъ говорилъ о распространеніи у насъ пашковщины. Отмѣтивъ съ грустію этотъ неутѣшительный фактъ, ораторъ продолжалъ: „Если велика сила вражья, то безконечно могущественна сила Божья. Около самаго Петербурга на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси (Редстокъ), является пастырь съ особымъ даромъ молитвы и исцѣленій. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему тѣми средствами, какія указываетъ церковь: совершеніемъ молебствій предъ св. иконой, окропленіемъ священной водою, чтеніемъ слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говнѣніемъ, исповѣдію и преподаніемъ Св. Таинъ. И предъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи: толпы народа всюду окружаютъ вѣрнаго носителя божественной благодати и не даютъ покоя ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Это смиреннѣйшій пастырь—живой и сильный отличитель гордаго суемудрїя сектантскаго“.

Другой выдающийся пастырь Петербургскій, Ф. Н. Орнатскій, говорилъ объ о. Іоаннѣ: „Позволимъ себѣ выразить нѣсколько мыслей, невольно рождающихся у каждаго знающаго чудную, въ своей христіанской простотѣ, личность

о. Іоанна. Вся трудовая жизнь и дѣятельность его протекла около сѣверной столицы и частью въ самой столицѣ, гдѣ сталкиваются между собою люди разныхъ вѣроисповѣданій, люди вѣрующіе и невѣрующіе. И вотъ, предъ глазами всѣхъ проходитъ дѣятельность человѣка, во имя вѣры въ Бога и любви къ ближнему, покоряющая себѣ сердца человѣческія. Какое торжество вѣры, торжество православія въ одной этой личности! Въ наше время представители разнообразныхъ сектъ поднимаютъ голову и свое слово отрицанія начинаютъ обыкновенно отрицаніемъ пастырской дѣятельности, осужденіемъ пастырства. Мы можемъ сказать, обращаясь ко всѣмъ этимъ штундистамъ, пашковцамъ и др., указывая на о. Іоанна: вы хвалитесь совершенствомъ своего исповѣданія, яко бы очищеннаго отъ недостатковъ православія, хвалитесь и своею благотворительностью; но не меркнетъ ли ваша мертвая вѣра, ваша разсчитанная благотворительность предъ тѣми же добродѣтелями истиннаго пастыря—христіанина, какъ издающая смрадъ головня предъ яркимъ пламенемъ огня, пополюющаго любовію божественною тернія человѣческихъ прегрѣшеній, ко благоустроенію временной жизни людей, для спасенія вѣчнаго! А послѣднее мое слово къ вамъ, дорогіе собратья-сопастыри церкви русской православной: 35-лѣтнее служеніе о. Іоанна не доказываетъ ли всѣмъ намъ, ученымъ и простымъ, что великая наша сила есть сила божественной любви, которая одна по вѣрѣ въ Бога и горячей непрестанной молитвѣ къ нему, собираетъ словесныхъ овецъ во дворъ овчій и сохраннымъ держитъ ихъ въ оградѣ церкви“.

Одинъ изъ духовныхъ журналовъ высказалъ о Кронштадтскомъ пастырѣ слѣдующее мнѣніе.

„Необходимо придти къ убѣжденію, что о. Іоаннъ и его мощная нравственная сила не случайное явленіе въ жизни русскаго народа, а историческое, явленіе необходимое именно въ переживаемый нами періодъ, явленіе, признанное къ жизни именно самимъ Промысломъ Божиимъ, пекущемся о таинственныхъ, но великихъ судьбахъ русскаго народа, къ которымъ онъ придетъ лишь путемъ чистой евангельской вѣры, какъ она излагается въ ученіяхъ церкви и ея кроткаго служителя о. Іоанна Кронштадскаго, непрестанно получающаго русскій народъ дѣломъ и словомъ, хранить непо-

колебимо заповѣди Божіи и повиноваться Его святой волѣ“.

Говорить ли еще о глубокой любви народныхъ массъ къ нему, какъ великой и вполнѣ справедливой наградѣ за его жизненный подвигъ? Говорить ли о безконечныхъ вещественныхъ дарахъ этой любви? Говорить ли о перерожденіи многихъ людей подъ могучимъ вліяніемъ этой личности? Не будемъ. Все это такъ хорошо извѣстно каждому изъ насъ. Пусть за насъ въ данномъ случаѣ скажетъ витія, вызвавшій свою скромной лирой нѣкогда обильныя слезы у своихъ слушателей:

Ты тридцать пять лѣтъ прослужилъ уже Богу,
 И тридцать пять лѣтъ ты народу служилъ.
 Ты трудную выбралъ для жизни дорогу
 И много на ней своихъ силъ положилъ.
 Ни разу съ прямой не свернулъ ты дороги;
 Шелъ прямо и вѣрилъ—Богъ помощь пошлетъ!
 И ныли отъ боли усталыя ноги,
 Болѣла душа за несчастный народъ,
 Сжималось сердце при видѣ порока,
 Тяжелыхъ недуговъ народныхъ и бѣдъ.
 Ты видѣлъ, что зло и неправда широко
 Туманомъ покрыли Христовый разсвѣтъ.
 Ты шелъ. И не мало за прошлое время
 Препятствій встрѣчалось на вѣрномъ пути.
 Но ты побѣдилъ ихъ, и доброе сѣмя
 Посѣялъ, чтобъ правдѣ Христовой цвѣсти.
 И гордости, славѣ, корысти, богатству
 Открылъ затуманенный завистью взоръ;
 И доступъ свободный далъ къ падшему братству,
 Чтобъ снять съ того братства весь ложный позоръ.
 А вспомни-ка дѣтство! оно какъ бѣжало?
 И какъ ты тогда-то, учитель нашъ, жилъ?
 Какъ жизнь средь лишеній и горя мужала?
 Народу Господь знать тебя сохранилъ!
 Но дебрямъ ли сѣвера, въ зной и морозы,
 Дитятею грустнымъ ходилъ да мечталъ:
 — „Зачѣмъ это люди льютъ слезы, да слезы,
 „И кто эти слезы на землю послалъ?
 „Зачѣмъ это съ горемъ нужда породнилась,
 „И мучить собою несчастныхъ людей?“

Не зналъ ты причины. Но все объяснилось
 На опытъ жизни тяжелой твоей,
 Святаго же дѣтства всю соль впечатлѣнья
 Ужъ юность душой и умомъ поняла,
 На вѣрѣ святой и Христовомъ ученьи
 Свое убѣжденье на вѣкъ создала.
 Но дѣтство прошло, невозвратные годы!
 За дѣтствомъ и юность сокрылась давно,
 И канули въ вѣчность великой природы,
 Откуда вернуться ужъ имъ не дано.
 А время, покорно законамъ, бѣжало,
 Изъ юноши ты укрѣплялся, мужалъ.
 Хоть горькая доля тебя окружала,
 Но личнаго счастья ты не искалъ.
 Лишь сильно рвалась душа молодая
 На помощь страдальцамъ и сирымъ придти,
 И скорбью народной жестоко страдая,
 Рѣшилася въ жертву себя принести.
 Ей больно сказались народныя бѣды,
 И горько ей было безпомощной жить.
 Тогда ты взялъ крестъ—какъ знамя побѣды,
 Пошелъ всѣмъ страдальцамъ и сирымъ служить
 И тридцать пять лѣтъ это знамя тобою,
 Добромъ освящается изо дня въ день,
 Любовью, трудомъ, состраданьемъ, мольбою
 За всѣхъ, кто приходитъ подъ знамени сѣнь.
 Такъ жилъ ты для міра, себя забывая,
 И крестъ свой тяжелый безропотно несъ.
 Хоть медленно падаетъ скорбь міровая,
 Но падаетъ, рушится. Силенъ Христосъ!
 А Онъ—твоя крѣпость, учитель и сила!
 И Онъ тебѣ мудрость съ любовью вложилъ;
 И сила та въ мірѣ любовь воскресила,
 А этой любовью ты всѣхъ побѣдилъ.
 Но солнце ужъ къ западу жизни склонилось,
 Пройдя свой могучій и сильный зенить.
 А въ силѣ своей оно вновь подкрѣпилось—
 Любовью и правдой яснѣе горить.
 Родного же сѣвера въ красное лѣто
 Несказанно длиненъ бываетъ денекъ!

И долго за полдень могучаго свѣта
 Тамъ солнце лучей проливаетъ потокъ.
 Сіяй же и ты такъ!—здоровьемъ и силой,
 Будь крѣпокъ, спокоенъ, а знамя Христа
 Не дрогнетъ въ рукѣ твоей чистой, правдивой;
 Сильна душа вѣрой, дѣлами чиста!
 Живи же, нашъ добрый, родной и любимый!
 Своей простотою ты насъ вразумляй,
 И крестъ твой тяжелый, цѣлебный, незримый
 Потомкамъ на благо ихъ жизни отдай!

7-го Іюня мы оставили Кронштадтѣ. Прощаясь съ нами, о. Іоаннъ сказалъ намъ:

— Извините меня, что я не имѣлъ возможности пригласить васъ къ себѣ и угостить васъ, какъ странниковъ. Вотъ вамъ отъ меня на гостинцы. При этомъ онъ сунулъ что то одному изъ товарищей. Когда мы посмотрѣли послѣ, въ этомъ „что то“ было 300 рублей.

Не имѣя возможности пока никакъ отблагодарить о. Іоанна за все то, что онъ сдѣлалъ для насъ, мы рѣшили поднести ему хотя общую нашу группу. О Іоаннъ съ благодарностью принялъ отъ насъ этотъ нашъ скромный, но искренній, сердечный даръ.

Нашимъ благожеланіямъ дорогому батюшкѣ, при прощаніи съ нимъ, казалось, не было конца. Принявъ отъ него благословеніе въ послѣдній разъ, мы отправились во свояси.

Всѣ мы возвращались домой, радостные, сіяющіе, удовлетворенные. Нашимъ разговорамъ не было конца всю дорогу. О нѣкоторыхъ событіяхъ вспоминали въ сотый разъ. И долго, долго мы еще бредили Кронштадтомъ...¹⁾

В. М.

23 Іюня 1893 года
 Село Казнево.

¹⁾ „Дневникъ“ печатался съ пропусками. Въ полномъ видѣ онъ выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ въ концѣ Іюня и будетъ продаваться въ Редакціи Богословскаго Вѣстника и въ лучшихъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Деньги, вырученныя отъ продажи „Дневника“, всѣ поступятъ въ пользу Общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ Московской Духовной Академіи (Братства Пр. Сергія).